

Определение динамики инновационной экономики: теоретический дискурс

В последние десятилетия проблемы определения сущности, становления и функционирования новой экономики оказались в сфере интересов мирового научного сообщества. Не остаются в стороне также представители российской (В.Иноземцев, А.Пороховский) и украинской экономической науки (В.Геец, А.Чухно). Однако следует констатировать отсутствие в современной экономической науке однозначного понимания сущности новой экономики, четкого водораздела между «старой» и «новой» экономикой. Многие авторы обыкновенно ограничиваются лишь заявлениями о наличии качественных различий между ними, акцентируя внимание на информационных или коммуникативных аспектах. Мы считаем, что основное различие между старым и новым, экономикой и неэкономикой проходит в плоскости специфики экономической динамики, а новые экономические явления отнюдь не являются кардинально отличными от практики прошлого. Разница лишь в количестве их проявлений, трансформации неэкономической жизни в видимую составляющую современной жизни. В чем же особенности этого нового?

Предположим существование некоторого набора благ [Л], включающего несколько единиц благ А, В, С и оптимального с точки зрения потребительских качеств для определенной группы потребителей. Понятно, что выбор такого набора является значимым с точки зрения оптимума лишь в краткосрочном периоде и, даже при условии неизменности номинальных доходов потребителей, имеется большая вероятность нестабильности. Важные с потребительской точки зрения аспекты динамизации могут реализовываться в двух направлениях: 1) изменяется цена отдельных благ набора; 2) изменяется количество благ в этом наборе при неизменных ценах. Ценовые колебания при условии фиксированности качественных показателей благ можно учесть с помощью ценовых индексов. Поэтому динамизация при таком сценарии не приводит к изменениям на уровне реальных показателей, а в случае синхронизированного и однонаправленного сдвига во вкусах потребителей обеспечит, согласно подходу Ж.Б.Сея, фиксированность и объема выпуска, и его структуры. Поскольку стационарную ситуацию характеризовало

уравнение: $\frac{MU_A}{P_A} = \frac{MU_B}{P_B} = \frac{MU_C}{P_C}$, то изменения в цене и вкусах потребителя на

блага А, при которых $\frac{\Delta P_A}{P_A} = \frac{\Delta MU_A}{MU_A}$, обеспечат неизменность структуры его

потребления. Ведь предположение относительно верности: $\frac{MU_A}{P_A} = \frac{MU_A + \Delta MU_A}{P_A + \Delta P_A}$

легко доказать алгебраическими превращениями, поскольку:

$$\frac{MU_A * \Delta P_A + MU_A * P_A}{P_A * (P_A + \Delta P_A)} = \frac{MU_A * P_A + \Delta MU_A * P_A}{P_A * (P_A + \Delta P_A)},$$

$$\frac{MU_A * \Delta P_A}{P_A * (P_A + \Delta P_A)} = \frac{\Delta MU_A * P_A}{P_A * (P_A + \Delta P_A)}.$$

$$\text{Следовательно: } \frac{MU_A + \Delta MU_A}{P_A + \Delta P_A} = \frac{MU_B}{P_B} = \frac{MU_C}{P_C}.$$

Во втором случае проблема несколько сложнее. Если качественные трансформации в структуре выпуска не связаны с внедрением производства благ, кардинально отличных от существующих, то имеем, например, вместо трех единиц блага [A] по одной единице благ [A1], [A2] [A3]. Какой же смысл в таком решении производителя? Оказывается полезности этих благ с точки зрения рядового потребителя различны. Согласно первому закону Госсена, предельная полезность третьей единицы блага [A] будет значительно меньше, чем первой единицы этого блага: $MU^1_A > MU^2_A > MU^3_A$. В случае диверсификации структуры выпуска сокращения предельной полезности не происходит, поскольку потребитель, применяя каждое из благ [A1], [A2], [A3], получает разные по свойствам потребительские товары и удовлетворяет несколько отличные потребности. Отсюда и степень удовлетворения будет несколько больше:

$$MU^1_A + MU^2_A + MU^3_A < MU^1_{A1} + MU^1_{A2} + MU^1_{A3}.$$

Таким образом, даже в случае неизменного объема ВВП, рассчитанного в соответствии с действующей СНС, имеем ситуацию, когда константные показатели выпуска по реальным и номинальным показателям вступают в противоречие с фактически растущей полезностью, степенью удовлетворения, которое получили потребители, заплатив те же деньги. Безусловно, следует отметить рост излишка потребителя, ибо, получая большее удовлетворение, он фиксирует свои расходы. При этом предельные расходы производителя остаются неизменными, происходит лишь распределение ресурсов при изготовлении нескольких вариаций диверсифицированного продукта. Кривая общего предложения диверсифицированного товара остается неизменной.

Со стороны же потребителей имеют место значительные изменения. Покупатели будут оценивать последнюю единицу каждого инварианта гетерогенного по потребительским свойствам продукта несколько выше, чем последнюю единицу

гомогенного продукта. Логично, что точка пересечения кривых спроса и предложения должна сместиться немного вправо, обеспечивая больший равновесный выпуск и более высокую равновесную цену. Но факты свидетельствуют в пользу неизменности цен подобных благ. Объяснить это можно, только допустив чрезвычайную мобильность акторов-продуцентов в отношении рынков такой продукции. Но даже при условии такого предположения остается непонятным факт отсутствия стремительного роста объема потребления. В действительности происходит только реструктуризация потребления.

В общем виде возможными являются изменения в двух направлениях. В первом случае рост предельной полезности последней единицы блага $[A_i]$ приведет к увеличению объема спроса на каждый из инвариантов. Таким образом, возрастет и общий объем спроса на гетерогенный товар. Это вполне возможно (а) при условии роста доходов потребителей или (б) при условии отсутствия развития аналогичной гетерогенности относительно других благ в потребительской корзине покупателя. Подобные обстоятельства приведут к некоторому увеличению цены и объема спроса на продукцию гетерогенов при неизменности цен и объемов потребления гомогенов в ситуации (а) и реструктуризации потребления в пользу гетерогенов в ситуации (б). Впрочем, современная специфика движения новой экономики оставляет минимальные шансы развитию событий по такому сценарию. Более вероятной представляется эволюция в ином направлении. Гетерогенизация получает не локальное проявление, она становится неотъемлемым признаком современного развития. Трудно представить во времена постмодерна существование предприятия, которое могло бы развиваться без постоянного внедрения нового и новейшего, перманентно растущей мощной инновационной составляющей. Производители, опирающиеся лишь на выпуск гомогенных товаров, обречены на прозябание на периферии современного рынка, а закостенелость продуцентов-консерваторов является априорным признаком неэффективности, низкой производительности и бесперспективности. Инновационная стратегия развития становится образом жизни любого успешного экономического субъекта. Поэтому есть все основания рассматривать именно специфику развертывания процесса по второму сценарию, как более адекватному сегодняшнему дню. Рост полезности по инвариантам требует рассматривать кривые спроса на гетероген отдельно. Наложение их на один график позволяет получить специфическую, зубчатую конфигурацию кривой общего спроса. При этом новая точка пересечения (относительно первичного гомогена) будет расположена несколько правее. Но по условиям (2) объем потребления остается неизменным. Таким образом, равновесной цене спроса будет отвечать несколько более низкая цена предложения. То есть с ортодоксальных позиций точки пересечения кривых

спроса и предложения при этом "равновесном объеме" выпуска не существует, она расположена несколько правее. Получается, что теоретически такого равновесия как бы не может быть, в краткосрочном периоде есть определенное превышение цены спроса над ценой предложения, и такая неравновесная ситуация должна найти свое решение через расширение предложения и сближение цен спроса и предложения. В действительности этого не происходит, поскольку подобные изменения в полезности происходят по всей номенклатуре гомогенных товаров, и перераспределить дополнительные средства на приобретение дополнительных единиц гетерогенов рядовой потребитель не в состоянии при условии ограниченности дохода. В этом случае покупатель должен присваивать дополнительные выгоды в пределах так называемой сверхренты потребителя. Последняя представляет собой дополнительный выигрыш, полученный потребителем от потребления гетерогенного блага [A] в результате появления его инвариантов с присущими им специфическими свойствами относительно использования, которые позволяют покупателю полнее удовлетворять его нестандартизированные потребности, получающие более конкретизированное выражение в таких инвариантах.

При этом увеличение ренты потребителя путем добавления к ней сверхренты не приводит к сокращению ренты производителя, она остается константной. Перераспределения между акторами не происходит, и общество получает сверхренту как чистый выигрыш.

Стремительный рост сверхренты потребителя – признак современного этапа развития неэкономической жизни, и в то же время не является специфически уникальной чертой неэкономики. Сверхрента существовала и в прошлые времена, традиционная экономика также не лишена ее. Однако именно становление неэкономического комплекса становится залогом быстрого роста объема сверхрентных выигрышей потребителей, внеценового и внедоходного повышения реального благосостояния экономических субъектов. Всеобъемлющий характер распространения ситуаций сверхренты на неотрасли с выходом на традиционные отрасли становится специфическим признаком неэкономической жизни. Поэтому критерий различения неэкономического и экономического не ограничивается лишь качественной параметризацией, он в основном располагается в плоскости определения роли сверхрентных выигрышей.

Увеличение объема сверхрент или приближение их величины к нулю еще не позволяет получить однозначный вывод по поводу динамики или статики экономики. Критериально необходимо предложить более четкий в отношении количественной или качественной определенности показатель. И здесь рост экономики путем увеличения

только удовлетворения потребителей выглядит как рост субъективный, с трудом фиксируемый в объективных показателях. Такой рост вполне отвечает по характеру изменений имплицитному росту, но, поскольку не приводит к качественным преобразованиям, то остается достижением статичной экономики.

Таким образом, прорисовывается более четкий критерий различения статики и динамики, новой и традиционной экономики. Появление сверхрент потребителей становится однозначным признаком динамики, конституирующей развитие в пределах новой экономики. Разумеется, такая концепция может вызвать ряд критических замечаний. Во-первых, вполне возможным является появление товаров, которые по потребительским качествам кардинально отличаются от существующих. То есть создается не инвариант гетерогена, а новый гомоген, в пределах которого вполне вероятно когда-то появятся новые инварианты и осуществится его гетерогенная трансформация. Согласно логике нашего подхода, такой товар также отражает неэкономический прогресс, его появление является наглядным свидетельством динамической составляющей экономического развития. Более того, такой пример не исключает возникновения сверхренты потребителя. Рассматривая понятие потребности как конкретизацию нужды, можно отметить, что сущность человеческих нужд тысячелетиями остается неизменной, меняются лишь проявления потребностей. Поэтому появление кардинально нового товара, может и удовлетворяет, на первый взгляд, качественно отличную потребность, однако такая потребность является лишь новой конкретизацией другой, давней потребности, произошла только ее дифференциация, что вынудило потребителя искать способ получения действительно уникальных качеств как средства удовлетворения специфических желаний. Появление нового блага – это всего лишь ответ рынка на новый (потенциально существующий) запрос.

Неотложная потребность в данном товаре обуславливает его высокую предельную полезность с точки зрения потребителя и, следовательно, большую сверхренту покупателя. Таким образом, неэкономичность этого товара носит явный характер. Впрочем, возникают вопросы иного рода. Факты свидетельствуют, что довольно часто такое новое изделие реализуется по цене достаточно высокой по сравнению с ближайшими субституциональными товарами. С точки зрения получения сверхренты здесь никаких противоречий нет – потребитель получает значительно большее удовлетворение, следовательно, согласен оплатить за это больше. Если бы он получал полезность меньшую по сравнению с предыдущим потребительским благом, то как рациональный субъект просто отказался бы от потребления нового. Но проблема заключается в том, что разработка и внедрение кардинально нового товара требует

довольно значительных дополнительных расходов. Такие расходы вряд ли могут быть компенсированы общим фактором научно-технического прогресса. Поэтому следует констатировать сдвиг кривой предложения вверх и влево, что должно обусловить потенциальное увеличение цен и наложить ограничения на использование метода объединенных графиков, из-за опасности искажения полученных результатов, усиливаемой значительными различиями субституционального блага и необлага. Неопределенность ситуации увеличивает при условии существования нескольких одинаково отдаленных субституционалов, поскольку выбор предшественника кажется проблематичным. В этом случае можно применить операцию обратной гетерогенизации, то есть рассматривать самостоятельные товары как возможные инварианты определенного "виртуального" протовара, появление же нового изделия сблизило до сих пор различные субституционалы. Что касается повышения расходов и сдвига кривой предложения, то этот вопрос также решается. В этом случае мы вынуждены иметь дело не с линейным графиком предложения, а с зубчатым. Продуцент неотовара несет определенные потери в объеме выигрыша производителя, но эта рента отнюдь не исчезает, она лишь перераспределяется, и общество остается индифферентным к этому.

Определение сверхренты как критерия неэкономичности и динамики выглядит, на первый взгляд, несколько конфликтующим с распространенным (но неоднозначным и акритериальным) пониманием неэкономичности как сочетающей (согласно разным авторам) черты информационной экономики, технотрономики, общества постмодерна, коммуникаций, "третьей волны" и т. п. Однако отсутствие научно обоснованного определения понятия неэкономичности оставляет простор для научного поиска. Более того, наше понимание неэкономического не исключает свойственности этому явлению и отмеченных выше черт. Вопрос заключается в определении основного критерия в критериальном наборе. Современные информационные технологии позволяют облегчить процесс гетерогенизации, коммуникативная составляющая – быстрее и точнее определить приоритеты потенциального покупателя, касающиеся потребительских качеств инварианта, технотронные элементы облегчают воплощение этих предпочтений потребителя в реальных товарах без роста расходов производителя, а отношения постмодерна и "третьей волны" становятся закономерным следствием доминанты неэкономического в развитии.

Это позволяет утверждать, что неэкономическое бытие существовало на протяжении почти всей истории человеческой цивилизации, различие между настоящим, прошлым и будущим только в роли, которую играет новое в общей экономической жизни. И только наглядный рост удельного веса нового подтолкнул исследователей к поиску

объяснений его сущности. Не следует считать такой подход качественно конфронтационным по отношению к существующим – точно так же не существует идеально чистых критериев определения моментов перехода от натурального производства к товарному, от простого товарного – к капиталистическому и т. д., они существуют только как приближение. Таким образом, современный период – лишь переходный этап, период сверхрентной экспансии, утверждения господства гетерогенов и второстепенности гомогенов.

Вторым поводом для критики может послужить потребительская моноориентация критерия определения неэкономического. В действительности неэкономика бурно развивается именно в сфере производства, а потребители большей частью получают только результаты такого динамического роста нового и его распространения. Неэкономические выигрыши производителей появляются в нескольких направлениях. Во-первых, производители как ресурсопользователи получают возможность применять все новые ресурсы с предоставлением последним принципиально важных, уникальных свойств, что позволяет предприятиям как изготавливать новые инварианты гетерогенов при неизменных расходах, так и сокращать свои расходы, изготавливая стандартные гетерогены и увеличивая при этом свою ренту.

С другой стороны, применение инновационных технологий обеспечивает производителям повышение производительности и приводит к сдвигу кривой предложения, в конечном итоге, вправо и вниз, что обуславливает возникновение новой точки равновесия, иллюстрирующей рост равновесного объема спроса. То есть выигрыши производителя и покупателя в этом случае бесспорны, другое дело, что рассмотрение этих вопросов инициирует новый вопрос: какой сдвиг кривой предложения будет иметь экономический, а какой неэкономический характер? Полагаем, что неэкономический сдвиг может быть следствием изменений в технологической составляющей, но при этом подобный инновационный процесс требует дополнительного анализа, поскольку технологическая динамика является повседневным явлением и не обязательно свидетельствует о полной неэкономичности.

Приведенное критериальное разделение статики и динамики заслуживает последующего рассмотрения и определения специфических особенностей. Своим появлением сверхрента покупателя должна быть обязана как существенным изменениям в гетерогене, так и косметическим разработкам, которые фактически вместо существенной диверсификации приводят лишь к появлению дубликатов с бесконечно низким удельной весом инвариативной части. Потребительские выигрыши покупателя от приобретения такого "псевдогетерогена" тоже минимальные, но они остаются, что не позволяет нам

отказать такому благу в неэкономичности, а экономике – в динамизации. Впрочем, динамика динамике рознь. Появление сверхренты может свидетельствовать как о рутинном инвариантном клонировании в пределах гетерогена, так и о создании инвариантов, которые должны отделиться от родительского гетерогена, образуя самостоятельный гомоген с перспективой последующего превращения в субституциональный гетероген. Такая инвариатизация предполагает не формальное вычленение уникальных или квазиуникальных свойств, а создание действительно нового на базе широкого задействования креативных возможностей. Так, в первом случае следует говорить об экономической динамике, но о неэкономической статике, во втором же динамика присуща и экономике, и неэкономике. Критерием динамики в пределах самого динамичного множества будет выступать существенность преобразований в новом благе относительно предшественников. Можно определить и формальные критерии возникновения нового гомогена, например, субституциональная отдаленность нового блага от предка на расстояние, не меньшее, чем расстояние последнего от ближайшего субституционала. Такой подход вполне приемлем, но мы ограничимся лишь констатацией возможности четкого деления, поскольку любая подобная попытка однозначного разграничения благ не может быть абсолютно бесспорной и не исключает ее критического восприятия. Поэтому эмпирические результаты имеют вполне экспертный характер и не должны перечеркивать общетеоретические выводы.